

СЛАВНАЯ СМЕНА ВОРОШИЛОВСКОМУ СРЕЛКУ

“Брат-2”, режиссер Алексей Балабанов. Кинотеатр “Пушкинский”

Развязку этой истории я помню неточно. Завязку — еще хуже. Да и не все ли равно, по какой причине благородный киллер Данила (Сергей Бодров) отправляется из Москвы в Чикаго, дабы, как всегда, восстановить поправленную справедливость и отомстить за братьев своих?

Повод, кажется, вот какой. Бывший фронтовой кореш Данилы (Александр Дьяченко) служит в секьюрити у какого-то олигарха (Сергей Маковецкий), а братишка охранника (тоже Александр Дьяченко) играет в хоккей в НХЛ, но не получает за это ни цента, поскольку его конкретно кинули при составлении контракта. Охранник просит своего бандита-олигарха замолвить за брата словечко перед американским бандитом-олигархом, но вместо этого получает пулю в сердце.

Первый выстрел сделан, а значит, пора Даниле в поход. Дорога ведет его вперед — то по путаным коридорам телецентра, где он кадрит певицу Ирину Салтыкову, то по московским переулкам, то по штатовским хайвеям, и только в ней, в дороге, главный смысл второго “Брата”. Такое кино вообще-то обычно зовут “road movie”, но балабановскую картину хочется записать в

“drive movie”. “Drive” по-английски — это не только умение водить машину, но одновременно и просто “раскачка”, которая есть соль музыки и жизни.

Музыка не смолкает почти ни на миг, заглушая и часто звучащие выстрелы, и рев автомобильных двигателей. Здесь, как в компьютерной игре, не очень важно, в кого палишь — главное, что просто палишь; не очень важно, куда едешь — главное, что едешь. “Тра-та-та-та”, — строчит из революционного пулемета “Максим” пришедший на помощь Даниле брат (тот самый киллер по кличке Татарин из “Брата-1” в блестящем исполнении Виктора Сухорукова), и упоение, разливающееся на его дебильном лице (прошу у актера прощения, я имею в виду всего лишь его персонажа), близко к упоению, что испытывают зрители “Брата-2”. Это кино для тех, кому хочется быть “вечно молодым, вечно пьяным” (так поет за кадром группа “Смысловые галлюцинации”). Однако мир устроен так, что мы иногда все-таки трезвеем, становимся старше и тогда, с похмелья, задумываемся над тем, как же, черт побери, этот проклятый мир устроен.

Мир по Алексею Балабанову, одному из самых талантливых отечественных режиссеров, чей фильм “Про уродов и людей” в прошлом году получил “Нику”, устроен просто. Он делится на людей и уродов. Все люди — братья и должны помогать друг другу, ну а уроды... Они и есть уроды.

Люди ведут войну с уродами, и война эта не прекращается ни на мгновение. (“Русские своих на войне не бросают”, — говорит Данила Багров нашей Дашке, зарабатывающей проституцией на американский хлеб с маслом, а та смотрит на него круглыми глазами: “Ты что, очумел? Какая война?”). Если в первом “Брате” было лишь мимоходом обозначено, где люди, а где уроды (“Ты мне не брат, гнида черножопая”, — брезгливо бросал там Данила наглому кавказцу), то во второй части эта тема развита куда подробнее. “Не братья” — это: хохлы, америкосы, ниггеры, евреи (“Мы, гусские, никогда своих не обманываем”, — дурит Данилу эмигрант с Брайтон-Бич, загоняя ему за 500 баксов годную лишь для помойки машину) и, конечно, кровососы-олигархи.

В нашей прессе много писалось об идеологическом вреде последнего фильма Станислава Говорухина, но между тем Данила Багров — это, в сущности, тот же “ворошиловский стрелок”, только помоложе (в одной из сцен он даже целится Маковецкому в те же причинные места, что и его старший товарищ, пенсионер Иван Федорович в “Ворошиловском стрелке”). Кстати, удивительно похожая реакция у русской публики: и на “Ворошиловском стрелке”, и на “Брате-2” в моменты, когда герои мочили “уродов”, в зале раздавались кровожадные аплодисменты.

Разница между Данилой Багровым и Иваном Федоровичем в том, что первому нравится “Наутилус Помпилиус”, а второму — народная песня об одиноком гармонисте, и еще в том, что враги у них чуть-чуть разные. Но оба они понимают: в России, как всегда, идет война, и если враг не сдастся, то его уничтожают. Так что не бойся, дед — тебе подрастает славная смена. То, что отцы не достроили, — мы достроим. Гуд-бай, Америка, о!

Глеб СИТКОВСКИЙ

